

«Мы живем, под собою не чуя страны...»: антисталинская инвектива Осипа
Мандельштама: (Обзор)

Ключевые слова: О. Мандельштам; эпиграмма; инвектива; Сталин; антисталинские стихи.

Когда Осип Мандельштам прочел свое новое, написанное в ноябре 1933 г. стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» Борису Пастернаку, тот сказал: «То, что Вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, которого я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал и прошу Вас не читать их никому другому»¹.

Стихотворение занимает совершенно особое место не только в творчестве поэта, но и во всей русской литературе. Оно, как считает Л. Видгоф (1), «по лапидарной образной мощи, по неприкрытой ярости, по целенаправленной демонстративной оскорбительности», несопоставимо даже со стихотворением П. Васильева «Ныне, о муза, воспой Джугашвили, сукина сына...» (1931 или 1932), причем слово «жопа» в одном из вариантов текста Мандельштама («...И широкая жопа грузина») может быть цитатой из Васильева.

Выходом «непосредственно в биографию, даже в политическое действие (сравнимое, с точки зрения биографической, с предполагавшимся участием юного Мандельштама в акциях террористов-эсеров)» назвал стихотворение Е. Тоддес (10, с.199).

Ставшее «одним из оснований нашего антисталинизма», впервые вводящее «тему уголовной братвы и главного пахана», это политическое, по мнению Ю.Л. Фрейдина (9), стихотворение, тем не менее, не является

¹ Пастернак Е.В., Пастернак Е.Б. Координаты лирического пространства: К истории отношений Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака//Литературное обозрение. – 1990. – №3. – С.95.

антисоветским. Известные слова Мандельштама о нем – «Это комсомольцы будут петь на улицах! <...> В Большом театре ... на съездах ... со всех ярусов...»² – показывают, что поэт «мыслил антисталинскую инвективу в некоторых, как ни странно это может показаться человеку другой эпохи, советских рамках – вероятно, в духе будущего очищения “нового мира” от скверны тирании и жестокости» (10, с.214). Б.С. Кузин, друг и собеседник Мандельштама, называя общественную позицию Мандельштама «правоверным чириканьем», в частности, писал: «...для него был силен соблазн уверовать в нашу официальную идеологию, принять все ужасы, каким она служила ширмой, и встать в ряды активных борцов за великие идеи и за прекрасное социалистическое будущее. Впрочем, фанатической убежденности в своей правоте при этих заскоках у него не было»³.

Вместе с тем, широко распространенное убеждение в последовательном антисталинизме Мандельштама – не более чем публицистический миф, который не имеет опоры в творчестве поэта, полагает И. Сурат (8). Бесспорно антисталинским является лишь одно это стихотворение, за которое поэт заплатил жизнью. Несмотря на свою раздвоенность и последующие стихи в просталинском духе, «именно Мандельштам, сомневающийся и непоследовательный, стал голосом времени, сказал за всех правду о Сталине, сказал с такою силой, что эти стихи перестали быть только стихами и прямо вышли в историю. Без них не только судьба Мандельштама была бы другой – без них история 30-х была бы другой» (8).

1.Обстоятельства

Обращаясь к обстоятельствам появления стихотворения, следует признать, что конкретный повод к его написанию трудно определим; скорее, как полагают многие исследователи, оно было вызвано целым комплексом впечатлений и личных переживаний поэта, формировавшихся с конца 1920-х

² Герштейн Э.Г. Мемуары. – СПб., 1998. – С.51.

³ Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка; Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. – СПб., 1991. – С. 166.

годов и отразившихся в стихотворениях «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...», «Колют ресницы. В груди прикипела слеза», «За гремучую доблесть грядущих веков...» и некоторых других произведениях начала 1930-х.

Немаловажную роль в появлении стихотворения сыграла поездка Мандельштама с женой и только что освобожденным (в том числе, стараниями поэта) Б. Кузиным в Крым весной 1933 г. Крестьяне, бежавшие в Крым от массового голода, вызванного на Украине и в Кубани коллективизацией, запечатлены в стихотворении «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...»; потрясение от увиденного отразится позднее в одном из вариантов инвективы в строках: «Только слышно кремлевского горца – / Душегубца и мужикоборца...».

Фоном возникновения антисталинской инвективы, как считает И. Сурат (8), стали также разговоры с Кузиным, занимавшим вполне радикальную по отношению к власти позицию. Обсуждалась и личность Сталина, с которым поэт поначалу не связывал все происходящее. После освобождения Кузин был в таком состоянии, что, по его собственному признанию, впервые в жизни не мог работать. Делясь с Мандельштамом своими впечатлениями, он говорил поэту, что в «таких переделках больше всего не хватает ножа или хоть лезвия»⁴. Именно после таких разговоров поэт уговорил сапожника спрятать в подошве своей обуви несколько лезвий бритвы, которыми он пытался вскрыть себе вены в камере внутренней тюрьмы НКВД в мае 1934 г. И именно Кузину первому он прочел свою эпиграмму.

В событиях личной биографии Мандельштама, в частности, в «профессиональной уязвленности поэта», потерявшего своего читателя – отмененного революцией петербуржца десятых годов, усматривает причину появления антисталинского стихотворения А. Кушнер (4). Мандельштамом, пишет он, не интересовались критики; опубликованное в 1933 г. в журнале

⁴ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. – М., 1999. – С. 91.

«Звезда» его «Путешествие в Армению» было разгромлено в «Литературной газете» и «Правде». Поэт был объявлен «тенью» из прошлого в статье С. Розенталя «Тени старого Петербурга» («Правда», 30 августа 1933 г.). Дело усугублялось конфликтами, возникавшими у Мандельштама в писательской среде.

Таким конфликтом, например, стало «дело о “Тиле Уленшпигеле”», когда Мандельштам, обработавший для нового издания романа Ш. де Костера ранее существовавшие переводы А.Г. Горнфельда и В.Н. Карякина, был указан на титульном листе книги 1928 г. по недосмотру издательства как переводчик и обвинен Горнфельдом в плагиате. Дело продолжалось до февраля 1930 г., и, несмотря на признание поэтом своей (и издательства) оплошности и готовности возместить гонорар, он был назван морально ответственным за случившееся. В знак протеста поэт вышел из Федерации объединения советских писателей, почувствовав себя, как отмечает Л. Видгоф, «в роли маргинала, странного субъекта, на которого с недоброжелательным недоумением смотрит “литературная общественность”» (2, с.54, 55). Этот конфликт отражен в «Четвертой прозе» (1929–1930), где Мандельштам обличает писателей, «которые пишут заведомо разрешенные вещи» и «запроданы рябому черту на три поколения вперед» (где «рябой черт» – очевидный намек на Сталина). Показательны и слова Мандельштама о писателях-современниках, переданные неизвестным информатором из ближнего окружения поэта: «имя литератора стало позорным, писатель стал чиновником, регистратором лжи» (Цит. по: 6, с.30).

И тут – в октябре 1933 г. – Мандельштам получает двухкомнатную квартиру в Москве в писательском доме. Поэт, замечает А. Кушнер (4), ощутил глубокое чувство стыда: свою отверженность он променял на квартиру, уподобившись писателям, которые получили официальное признание и которых он презирал. Реплика высоко ценимого Мандельштамом Б. Пастернака, посетившего его на новой квартире: «Ну, вот, теперь и квартира есть – можно писать стихи», по воспоминаниям жены

поэта, привела его в ярость⁵. Ответом на эту реплику стало стихотворение Мандельштама «Квартира тиха, как бумага...». Интонационно оно перекликается с «Балладой» В. Ходасевича «Сижу, освещаемый сверху,/ Я в комнате круглой моей...». Но, полагает А. Кушнер, был и другой прототип – стихотворение Пастернака из книги «Второе рождение» (1931): «Мне хочется домой, в огромность/Квартиры, наводящей грусть...»: «Пастернаку хочется домой, в квартиру – Мандельштам рвется из нее вон». Пастернак в конце своего стихотворения высказывает желание написать о Москве, у Мандельштама, напротив, в последней строфе – «...вместо ключа Ипокрены / Давнишнего страха струя...». Чтобы вернуть самоуважение Мандельштаму нужно было сказать в стихах то, о чем все думают, но не смеют произнести. Вслед за «Квартирой...» в ноябре 1933 г. появляются стихи о «кремлевском горце». Но и здесь – отсылка к Пастернаку, который, цитируя строки Пушкина в стихотворении «Столетье с лишним – не вчера...» (1932), писал: «Но лишь сейчас сказать пора, / Величьем дней сравненье разня: / Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни». Именно этим надеждам противопоставлено мандельштамовское: «Что ни казнь у него – то малина».

Поводом к написанию стихотворения, по предположению О. Ронена (7), могла стать трагическая история с М.Н. Рютиным – общественным деятелем и знакомым поэта, помогавшим ему в житейских и издательских делах. В 1928 г., будучи кандидатом в члены ЦК, Рютин поддержал Бухарина, возразившего против чрезвычайных мер в отношении крестьян. В 1930 г. Рютин был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации, но выпущен в 1931 г. В 1932 г. на Рютина завели дело в связи с «Союзом марксистов-ленинцев» и разосланным им членам ЦК документом «Ко всем членам партии», где Сталин был назван «разрушителем партии», «могильщиком революции», а также говорилось о «наморднике, надетом на всю страну», «бесправии, произволе и насилии». В 1937 г. Рютина расстреляли. Промежуток между героическим выступлением Рютина и XVII

⁵ Мандельштам Н. Воспоминания. – М., 1999. – С.176.

партийным съездом (1934) – период, когда победа Сталина над его противниками еще не была предрешена, в том числе и на самом съезде, где соотношение сил колебалось не в пользу Сталина. Съезд потому и получил название «съезд расстрелянных победителей», а год этой негласной, но яростной борьбы, по мнению исследователя, и преломился в произведении Мандельштама.

Как считает Л. Видгоф (1), поэта к написанию стихотворения могли подтолкнуть и некоторые другие факты. Так, в протоколе допроса Мандельштама от 25 мая 1934 г. с его слов записано, что по возвращении в Советскую Россию из белогвардейского Крыма в 1920 г. он стал испытывать «возрастающее доверие» к советской власти и компартии, которое поколебали симпатии к троцкизму в 1927 г., но которое уже в 1928 г. было восстановлено.

В 1927 г., в год 10-летия Октябрьской революции, развернулась острая внутрипартийная борьба. Еще в 1923 г. на фоне усиливающейся бюрократизации партийной власти Троцкий выступал за внутрипартийную демократизацию, а в предисловии к вышедшему в 1925 г. третьему тому собрания своих сочинений – «Уроки Октября» он противопоставил последовательных революционеров (Ленина и самого себя) противникам вооруженного восстания, в первую очередь, Зиновьеву и Каменеву. Статья косвенным образом затрагивала и Сталина, который, после смерти Ленина, был одним из членов «тройки»: Зиновьев – Сталин – Каменев. Этот союз, однако, быстро распался: Сталин укреплял свою власть, Зиновьев и Каменев ушли в оппозицию.

В 1926–1927 гг. Троцкий предупреждал об опасности сползания партии вправо, отвергал идею Сталина о возможности построения социализма в отдельной стране (без мировой революции), выступал за ускоренную индустриализацию, указывая на политическое «свертывание» пролетариата как класса. Партия же всеми силами стремилась подавить дискуссию. В 1927 г. на партийном пленуме Зиновьев и Троцкий были исключены из ЦК

ВКП(б); тексты их выступлений на пленуме опубликовала «Правда». Троцкий, в частности, напоминал слова Ленина о Сталине: «Сей повар будет готовить только острые блюда», и говорил о том, что «рабочий-партиец боится в собственной ячейке говорить, что думает, боится голосовать по совести».

Пленум привлек внимание всей страны, поэтому, считает исследователь, маловероятно, что Мандельштам не читал этот номер «Правды».

В 1929 г. Троцкий был выслан из СССР, левая оппозиция разгромлена, а в 1932 г. началась травля правой оппозиции – группы Рютина–Галкина–Иванова, обвиненной в капиталистической реставрации и восстановлении кулачества.

С сентября 1929 г. по январь 1930 г. Мандельштам служил в газете «Московский комсомолец», воспитывавшей молодежь в духе непримиримой классовой ненависти и нетерпимости, что отразилось в его стихотворении 1933 г. «Квартира тиха, как бумага...» (в частности, в строках: «Наглей комсомольской ячейки / И вузовской песни бойчей / Присевших на школьной скамейке / Учить щебетать палачей»).

С середины 1932 г. газеты «Правда» и «Известия» регулярно помещают материалы об усилении нацизма в Германии, где вводится смертная казнь, увольняют с работы евреев, жгут книги, в том числе – советских писателей (Ильфа и Петрова, Серафимовича, Горького, Зощенко), преследуют несогласных. В СССР в это же время все заметнее становится формирующееся поклонение Сталину, в 1933 г. культ вождя уже очевиден. 1 января 1933 г. газета «Известия» выходит с большим рисунком Б. Ефимова, изобразившим Сталина в шинели с вытянутой вперед левой рукой, указательным пальцем которой он показывает направление («тычет» – в анализируемом стихотворении Мандельштама). В прошлых ошибках каются Каменев и Зиновьев («кто свистит, кто мяучит, кто хнычет...» – из того же стихотворения), ужесточаются меры в отношении разнообразных «врагов».

Никогда не отождествляя коммунизм с фашизмом, поэт, отмечает Л. Видгоф, не мог не видеть сходства двух режимов: «культ возвышающегося над всеми остальными вождя; пропаганду насилия и широкое применение насилия, включая смертную казнь; демонстративное презрение к праву и “буржуазным свободам”, “гнилой демократии”; навязывание всему обществу одной, считающейся непогрешимой, идеологии, запугивание и террор в отношении инакомыслящих, внедрение принудительного единомыслия во всех сферах, включая литературу и искусство» (1). Память С. Липкина сохранила высказывание Мандельштама 1933 г.: «Этот Гитлер, которого немцы на днях избрали рейхсканцлером, будет продолжателем дела наших вождей. Он пошел от них, он станет ими»⁶.

Л. Видгоф обращает внимание на ускользнувший от исследователей факт: в том же номере «Правды» (30 августа 1933 г.), где опубликована статья Розенталя, объявлявшая поэта «тенью из прошлого», была напечатана заметка: «Казнь германского коммуниста» – о том, что близ Гамбурга казнены (отсечение голов топором) четыре коммуниста, в том числе А. Лютгенс, который вел себя исключительно мужественно, и последними словами которого были: «Я умираю за пролетарскую революцию! Да здравствует советская Германия! Рот фронт!». Именно отсюда в «Стансах» 1935 г., считает ученый, «немецких братьев шеи», но тонкие шеи «вождей» есть уже в антисталинских стихах. Не только известие о чудовищной казни, но и героическая жертвенность Лютгенса произвели глубокое впечатление на Мандельштама.

Не чуждый идее самопожертвования в докладе «Скрябин и христианство» (1915), Мандельштам писал, что смерть художника следует рассматривать как высший акт его творчества. Таким актом для поэта и стало его антисталинское стихотворение.

2. Поэтика

⁶ Липкин С.И. Квадрига. – М., 1997. – С. 397–398.

На допросе от 25 мая 1934 г. Мандельштам охарактеризовал свое стихотворение так: «В моем пасквиле я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе, используя способы упрощенного показа исторической ситуации, сведя ее к противопоставлению “страна и властелин”. Несомненно, что этим снижен уровень исторического понимания <...> но именно поэтому достигнута та плакатная выразительность пасквиля, которая делает его широко применимым орудием контрреволюционной борьбы» (цит. по: 6, с. 49).

Опуская требуемое ситуацией указание на «орудие контрреволюционной борьбы», следует признать, что «плакатная выразительность», действительно, – очень точная характеристика произведения.

Скрещение традиции ямбов Архилоха и «карикатурного лубка или детской дразнилки, причем на фоне цитатных ритмов гражданского Надсона», увидел в эпиграмме Мандельштама М.Л. Гаспаров, отмечавший, что она «построена на искусной последовательности комбинаций: сперва идейная (*не чужа страны*), потом образная (*как черви... как гири...*), потом лексическая (великолепный несуществующий глагол *бабачит* на фоне реминисценций из сна Татьяны), потом ритмическая (*кому в пах, кому в лоб...*)»⁷.

Лексико-фразеологическая установка на просторечие и бранную экспрессию, присущая стихотворению 1933 г., указывает Е. Тоддес, обнаруживает его связь с «Четвертой прозой» и лирикой 1930–1931 гг., а его семантическая основа прямо производна от разрабатывавшейся поэтом в 1920-е гг. биологической топики: «лексика и семантика биологического хлынула в брешь между культурой и природой, образовавшуюся в языке Мандельштама в эпоху социокультурного катаклизма» (10, с.202). В стихотворение вошла в усеченном и эпиграмматически упрощенном виде также тема, поднятая Мандельштамом еще в статьях 1918–1922 годов:

⁷ Мандельштам О. Стихотворения. Проза/ Сост., вступит. ст. и комм. М.Л. Гаспарова. – М.; Харьков, 2001. – С.659.

«слово после революции, вербальные мутации, происходящие вслед за социальным катаклизмом, понимание и непонимание речи, в том числе речи поэта, в “новом мире”» (10, с. 207).

Это стихотворение Мандельштама – прежде всего, о власти слова, полагают А. Жолковский и Л. Панова (3). «Как свойственно поэзии вообще, а тем более логоцентрической мандельштамовской, “Мы живем...” это – типичное “слово о словах”: *речах, разговорцах, указах*, антропофонах и зоофонах. И – о столкновении словесных стратегий “лирического мы” и “сатирического он(и)”, плодом которого становится само поэтическое высказывание Мандельштама» (3). Стихотворение доводит до предела традицию эпиграммы, инвективы, поэтической хулы. Мандельштам отвечает поэтической магией – и собственной жизнью – на зловещую власть сталинского слова и душегубство вождя.

Словесная деятельность «мы» предстает купированной, загнанной в подполье, в то время, как слова Сталина весомы и выходят за пределы словаря («бабачит»). И если как персонаж стихотворения поэт вынужден молчать, то как автор Мандельштам дает себе полную свободу и, презрев всякую политкорректность, критикует не режим, но саму личность Сталина и его окружение, объявляя их «чем-то вообще бездуховным, сугубо телесным, зооморфным» (3).

А. Жолковский и Л. Панова называют произведение Мандельштама образцом «высшего текстуального, метатекстуального и интертекстуального пилотажа» (3). Среди его подтекстов – сатирическая баллада «Поток-богатырь» А.К. Толстого, с которой инвективу Мандельштама сближает размер и просторечный стиль (впервые указано О. Роненом), а также былины «Илья Муромец и Идолище в Киеве», «Алеша и Тугарин в Киеве» (источник «драконоподобного» образа Сталина), зооморфная образность и мотив предводительства шайкой из сна Татьяны в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина и др. К интертекстуальности в широком смысле относится и работа

с фразеологизмами, пословицами, поговорками (например, поговорка: «бежать, не чувствуя под собою ног»).

С первых строк, отмечают исследователи, задается излюбленная поэтом тема хрупкой связи жизни со словом. Далее мотив телесности через портрет Сталина и превращение слов в «пудовые гири» будет нарастать, сочетаясь с сегментацией тела, причем если сначала это – органы хозяина (*пальцы, глазища, усища*), то теперь – его жертв, где односложные *бровь, лоб, пах, глаз* звучат как ритмичная серия ударов.

Стихотворение однако не сводится к хуле, но «представляет собой символический акт освобождения от сталинского ига» (3). Этот бунт ярко демонстрирует неубедительная, с точки зрения многих интерпретаторов Мандельштама, ничего не добавляющая к лирическому сюжету и не завершающая его финальная строка, с ее шутовским пренебрежением и к собственно поэтической дисциплине («...И широкая грудь осетина»).

По поводу ставшего известным Мандельштаму телефонного разговора о нем Сталина с Б.Л. Пастернаком и вопроса вождя, «мастер» ли товарищ Пастернака по цеху, поэт заметил: «Почему Сталин так боится “мастерства”? Это у него вроде суеверия. Думает, что мы можем нашаманить»⁸. Мандельштам, полагают А. Жолковский и Л. Панова, угадал в вопросе Сталина магическое понимание творчества и, соответственно, суеверный страх перед ним. В своей эпиграмме поэт и правда меняет свою привычную роль «смысловика» на «порицавшееся им ранее у символистов амплу поэта-мага... Мандельштам не только всю расписывает прагматическую мощь Сталина, но и, парируя, обращает ее против него, призывая читателя *припомнить* Сталину его грехи» (3). Именно предполагая магическое, морально уничтожающее воздействие, поэт допускает немислимую вольность, именуя Сталина «горцем», то есть нецивилизованным носителем племенной этики, и сравнивая его с тараканом.

3. Последствия.

⁸ Мандельштам Н. Указ. соч. – С.175.

Мандельштам очень гордился своим сочинением. В протоколе допроса, передавая мнение первых слушателей, поэт ссылается, в частности, на Б. Кузина, отметившего, что «эта вещь является наиболее полнокровной» из всего, что читал ему Мандельштам за последний год (6, с.46), а также на реакцию А. Ахматовой, сопроводив ее автокомментарием: «Со свойственной ей лаконичностью и поэтической зоркостью Анна Ахматова указала на “монументально-лубочный и вырубленный характер” этой вещи. Эта характеристика правильна, потому что этот гнусный, контрреволюционный, клеветнический пасквиль, – в котором сконцентрированы огромной силы социальный яд, политическая ненависть и даже презрение к изображаемому, при одновременном признании его огромной силы, – обладает качествами агитационного плаката большой действенной силы» (там же, с. 47).

Искренне полагая, что его произведение будут петь комсомольцы на улицах и съездах, Мандельштам читал его «направо и налево», хотя и сознавал при этом опасность – «Если дойдет, меня могут... РАССТРЕЛЯТЬ!»⁹. Невероятная свобода, проявившаяся в поведении поэта после написания антисталинской инвективы, как полагает А. Кушнер (4), свидетельствует о том, что он решил свести счеты с жизнью. В феврале 1934 г. Мандельштам говорил Ахматовой, что готов к смерти¹⁰.

Мандельштам был арестован в середине мая 1934 г. по доносу неизвестного. Ордер на арест подписал Я.С. Агранов, второе лицо в ОГПУ, дело вел следователь Н.Х. Шиваров. Поэт на допросах сразу признал свое авторство, назвал имена людей, которым читал текст и собственноручно его записал. Первоначально дело велось как раскрытие контрреволюционной организации с выходом на групповой процесс. Однако затем в ходе следствия наметился резкий поворот: «мы решили не поднимать дела» – передает слова следователя Шиварова жена поэта¹¹. Мандельштам получает

⁹ Герштейн Э.Г. Указ. соч. – С. 51.

¹⁰ См.: Ахматова А.А. Сочинения: В 2-х тт. – Т.2. – М., 1990. – С.211.

¹¹ Мандельштам Н. Собрание сочинений. – Екатеринбург, 2014. – Т.1. – С.158.

типовой за «контрреволюционные» сочинения приговор (слишком мягкий, учитывая содеянное): три года ссылки в г. Чердынь на Урале, куда 3 июня 1934 г. и прибывает вместе с женой. В первую же ночь он прыгает из окна второго этажа палаты земской больницы, где их разместили. Благодаря телеграммам Н.Я. Мандельштам, об этом становится известно в Москве. К Н. Бухарину в защиту Мандельштама обращается Б. Пастернак; Бухарин, в свою очередь пишет Сталину – и тот делает резолюцию на его письмо: «Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие...». Уже в середине июня 1934 г. Мандельштаму разрешают выбрать другой город для отбывания ссылки (кроме 12 крупных городов), он выбирает Воронеж и отправляется туда, заехав по дороге на несколько дней в Москву.

Существует мнение, что Сталин ознакомился со стихотворением и даже что оно ему понравилось – по соображениям эстетическим (Ф. Искандер¹²) или даже политическим: текст льстил самолюбию вождя – его бояться! (О. Лекманов¹³). Последнюю версию разделяет и П. Нерлер (см.: 6, с.38). Л. Максименков выдвинул предположение, что в преддверии Первого съезда советских писателей Сталин не стал трогать Мандельштама как входившего в номенклатурный список (при том, что ни А. А. Ахматовой, ни М.А. Булгакова, ни М.А. Кузмина в этом списке не было)¹⁴.

Есть однако и иная точка зрения, убедительно представленная Г. Моревым (5), доказывающим, что текст инвективы Сталину не был известен, а приписываемая ему резолюция «изолировать, но сохранить», которую следователь Н. Шиваров передал Мандельштаму и его жене при тюремном свидании 28 мая 1934 г., на самом деле принадлежит Я.С. Агранову, или – на крайний случай – Г.Г. Ягоде, поскольку Сталин на тот момент об аресте поэта в известность поставлен не был, письмо же Бухарина датируется предположительно 6–7 июня.

12 *Искандер Ф.* Поэты и цари.- М., 1991. – С.51-52.

13 *Лекманов О.А.* Осип Мандельштам. Жизнь поэта. – М.,2009. – С.265.

14 *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932-1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие//Вопросы литературы. – 2003. – №4. – С.250.

Бухарин, обращаясь к Сталину, писал, что не знает, в чём Мандельштам «наблудил», и что Агранов, к которому за разъяснениями обращался Бухарин, «ничего конкретного не сказал». Сталина, считает Г. Морев, возмутил не факт ареста Мандельштама, а то, что ОГПУ самоуправствует в сфере литературы, принадлежавшей всецело его контролю, да еще перед писательским съездом.

Знаменитая реплика Сталина в разговоре с Пастернаком – «Но ведь он мастер? Мастер?» – имеет, по мнению исследователя, вполне конкретный смысл: «в сознании Сталина понятие “мастера художественного слова” прочно (по аналогии с военспецами и прочими представителями старого режима) было ассоциировано с представлением о “старом специалисте”, чья чуждость советской власти искупалась его высоким профессионализмом» (5). Именно «нетерпимое» отношение к писателям старой формации и нежелание учиться у них Сталин ставил в вину разогнанному в преддверии писательского съезда РАППу.

Агранов, полагает Г. Морев, ознакомившись с материалами дела и понимая, что в него оказываются вовлечены не только друзья и родственники поэта, но и такие известные литераторы, как А. Ахматова и В. Нарбут (которым поэт читал свое произведение), не захотел инициировать политический «писательский» процесс на фоне подготовки первого писательского съезда, что могло быть воспринято властями как саботаж. Переквалифицировать дело можно было лишь при условии, что текст инвективы до Сталина не дойдет.

В первых числах июня Агранов подготовил Спецобращение к Сталину, где Мандельштаму инкриминируется контрреволюционный пасквиль на «вождей революции», а также сообщается, что рукопись поэтом уничтожена (в протоколах допроса Мандельштама таких сведений нет), а сам он отправлен в ссылку на три года. Записка Агранова, по предположению Г. Морева, до адресата не дошла: ее опередило письмо Бухарина.

В мае 1937 г. в самый разгар репрессий против писателей Мандельштам вернулся из Воронежа в Москву. Через год он будет вновь арестован, этапирован и погибнет в пересыльном лагере под Владивостоком.

Список литературы

1. *Видгоф Л.* Осип Мандельштам: от «симпатий к троцкизму» до «ненависти к фашизму»: (О стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...») // Colta. – 19 мая 2020. – URL: <https://m.colta.ru/articles/literature/24395-leonid-vidgof-o-stihotvorenii-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-strany> (дата обращения: 20.06.2020).
2. *Видгоф Л.* Статьи о Мандельштаме. – М.: РГГУ, 2010. – 218 с.
3. *Жолковский А., Панова Л.* Он мастер, мастер, больше, чем мастер: Еще раз о стихотворении Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...»// Colta. 1 июня 2020. – URL: <https://m.colta.ru/articles/literature/24565-aleksandr-zholkovskiy-lada-panova-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-strany> (дата обращения: 21.07.2020).
4. *Кушнер А.* «Это не литературный факт, а самоубийство»//Новый мир. – 2005. – №7. – URL: https://9magazines.gorky.media/novyi_mi/2005/7/eto-ne-literaturnyj-fakt-samoubijstvo.html (дата обращения: 21.07.2020).
5. *Морев Г.* Еще раз о Сталине и Мандельштаме: Вокруг спецсообщения зампреда ОГПУ Агранова // Colta. 13 декабря 2019. – URL:<https://m.colta.ru/articles/literature/22722-gleb-morev-esche-raz-o-staline-i-mandelsh tame> (дата обращения: 21.07.2020).
6. *Нерлер П.М.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. – М., 2010. – 226 с.
7. *Ронен О.* Слава // Звезда. – 2006.– №7. – URL: <https://magzines.gorky.media/zvezda/2006/7/slava.html> (дата обращения: 21.07.2020).
8. *Сурат И.* «Я говорю за всех...»: К истории антисталинской инвективы Осипа Мандельштама // Знамя. – 2017. – №11. – URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=6761> (дата обращения: 20.06.2020).

9. Семинар «Сильные тексты» [19 мая 2020]: Осип Мандельштам «Мы живем, под собою не чуя страны...» (Р. Лейбов, О. Лекманов, Ю. Фрейдин, Г. Морев, А. Цветков, В. Мирзоев). – URL: https://youtu.be/P_ZmdHgSLP4 (Дата обращения 21.07.2020).

10. *Тоддес Е.А.* Антисталинское стихотворение Мандельштама (к 60-летию текста)//Тыняновский сборник. Пятые тыняновские чтения. – М., 1994. – С. 198–222.